

Р.А. БУДНИК

**ПРАВО И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ:
ПРОГРЕСС И ОТРИЦАНИЕ ПРАВОВОГО БАЗИСА ЦИВИЛИЗАЦИИ**

1. Введение

Идея о думающих машинах и последствиях их использования восходит к древнегреческому мифу о Пандоре и ее роковом сосуде. Согласно легенде, Пандора была выкована Гефестом по приказу Зевса с целью передачи человечеству смертоносных благ в наказание за то, что оно приняло огонь в дар от Прометея¹. Сегодня мы бы назвали Пандору андроидом, запрограммированным на совершение определенных действий. Современная история концепции ИИ берет свое начало в статье Алана Тьюринга «Computing Machinery and Intelligence», опубликованной журналом *Mind* в 1950 г.² В своей работе Тьюринг поставил вопрос о способности машины думать, для ответа на который он разработал тест, помогающий наблюдателю различать ответы компьютера и человека. Тест Тьюринга был и остается предметом споров, при этом он не потерял своей актуальности по сей день, поскольку опирается на особенности выражения мыслей человеком с помощью естественного языка, и применяется для проверки качества диалоговых моделей, которые сегодня символизируют собой прогресс ИИ. Важной вехой в развитии ИИ стал 1956 год, когда на первой в истории конференции по ИИ в Дартмутском колледже Джон Маккарти предложил термин «искусственный интеллект». В том же году группой энтузиастов была создана первая в мире программа с ИИ *Logic Theorist*.

Следующий этап прогресса ИИ начался в 1967 г. и продолжается до наших дней. Этот период связан с разработкой и совершенствованием архитектур искусственных нейронных сетей (далее – ИНС). В 1967 Фрэнк Розенблатт создал первый компьютер с ИНС, способной «обучаться методом проб и ошибок». В 1969 г. Марвин Мински и Сеймур Пейперт опубликовали книгу по принципам построения ИНС под названием «Перцептроны»³. Восемидесятые годы прошлого столетия ознаменовались изобретением нейронных сетей с алгоритмом обратного распространения, который запускает процесс самообучения ИИ. В 1997 компьютер *Deep Blue* от компании IBM одержал победу над чемпионом мира по шахматам. В этом же году была опубликована статья Сеппа Хохрайтера

¹ Mayor 2020: 157–254.

² Turing 1950: 433–460.

³ Minsky, Seymour 1969.

и Юргена Шмидхубера, описывающая рекуррентную нейронную сеть с «долгой краткосрочной памятью»⁴, которая была положена в основу алгоритмов распознавания речи и автоматического перевода текста на разные языки компанией Google. В 2015 г. глубокие нейронные сети (далее – ГНС) с множеством слоев между уровнями ввода и вывода данных продемонстрировали точность идентификации и классификации изображений, превосходящую возможности человека. В 2016 г. программа DeepMind AlphaGo, основанная на ГНС, победила чемпиона мира по игре в Go. 2023 год стал годом взрывного роста и общественного интереса к большим лингвистическим моделям, таким как ChatGPT (Generative Pre-trained Transformer, далее – GPT). GPT модели оказались способными обучаться на большом объеме произвольно загруженных неструктурированных данных, приобретая при этом научные знания и технические навыки⁵, достижение которых инженеры-программисты не планировали и не ожидали.

Общество сегодняшнего дня принципиально отличается от той картины общественного развития, которую можно было наблюдать еще полтора-два десятка лет тому назад. Человечество перешло от осторожных опытов по привлечению искусственного интеллекта (далее – ИИ) к обслуживанию собственных нужд, к его интенсивному использованию практически по всем направлениям собственной жизнедеятельности. Резкая смена парадигмы общественной эволюции, когда человек живет уже в постоянно углубляющейся зависимости от искусственного интеллекта, поставила вопрос о возможности гармоничного взаимодействия систем права и искусственного интеллекта⁶, о путях выхода из правовых коллизий, которые возникают при столкновении доктринальных основ и методов права с артефактами и отношениями, формирующимися в результате развития технологий искусственного интеллекта⁷.

21 апреля 2023 года Еврокомиссия опубликовала Проект Регламента по законодательному регулированию искусственного интеллекта⁸. В обоснование актуальности законопроекта Комиссар Евросоюза по внутреннему рынку Тьерри Бретон указал: «Искусственный интеллект есть средство, но не цель. Он существует уже несколько десятилетий, но достиг новых возможностей благодаря вычислительной мощности компьютеров. ИИ способствует энергичному развитию таких разнообразных областей как здравоохранение, транспорт, энергетика, сельское хозяйство, туризм и кибербезопасность. Однако вместе с перспективами ИИ приносит высокие риски».

⁴ Hochreiter, Schmidhuber 1997: 1735–1780.

⁵ Bianchini, Müller, Pelletier 2019: 1.

⁶ Greenstein 2022: 291.

⁷ Понкин, Редькина 2018: 91-109.

⁸ Текст Проекта на официальном интернет-портале Еврокомиссии: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/proposal-regulation-laying-down-harmonised-rules-artificial-intelligence>.

Проблема доверия к системам ИИ стоит не только в Европе, сегодня ее пытаются решить на международном⁹, государственном¹⁰ и корпоративном уровнях¹¹. Документ Еврокомиссии интересен системной классификацией рисков, порождаемых ИИ. В частности, среди них выделены **направления** реализации ИИ, создающие неприемлемо критические угрозы существованию, безопасности и правам людей. К таким относят приложения ИИ, которые манипулируют поведением и волеизъявлением человека (например, игрушки с голосовой поддержкой, провоцирующие девиантные поступки), а также системы, позволяющие правительствам проводить политику «социального рейтинга»¹² граждан. Применение таких реализаций ИИ предлагается законодательно запретить.

К высокорисковым отнесены системы ИИ, предназначенные для работы в следующих областях: критические инфраструктуры, сбой в которых может поставить под угрозу жизнь и здоровье граждан (например, транспорт или электроснабжение); образование и профессиональная подготовка (например, оценка результатов экзаменов); компоненты и факторы безопасности (например, применение ИИ в роботизированной хирургии); занятость и управление персоналом (например, программное обеспечение для сортировки резюме при найме); базовые частные и государственные сервисы (например, оценка кредитоспособности, лишаящая граждан возможности получить ссуду); правоохранные процедуры, которые могут ущемлять права человека (например, оценка достоверности доказательств); управление миграцией, предоставлением убежища и пограничным контролем (например, проверка подлинности проездных документов); отправление правосудия и демократические процессы (например, избирательное применение закона). Системы ИИ с высоким уровнем риска подлежат строгой проверке до вывода на рынок. Для примера к данному типу относится ИИ-технология удаленной биометрической идентификации. Ее использование в общедоступных местах предлагается запретить полностью. Некоторые исключения возможны: для поиска пропавших детей, предотвращения террористических атак или обнаружения опасных преступников. Однако они должны быть санкционированы судом или иным независимым общественным органом, а также строго ограничены по времени, географическому охвату и базам данных.

⁹ См. Инициативу ЮНЕСКО «Ethics of Artificial Intelligence». <https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation-ethics>.

¹⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.08.2020 г. № 2129-р об утверждении документа «Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года».

¹¹ См. Google responses to AI governance proposals. <https://ai.google/responsibility/public-policy-perspectives/>.

¹² Kshetri 2020: 14–18.

Далее по классификации следуют системы ИИ, привносящие в жизнь общества ограниченные риски, к ним в законопроекте предъявляются требования по обеспечению прозрачности. Так при использовании ИИ-чат-ботов абонент должен знать, что говорит с машиной, чтобы принять информированное решение о продолжении либо прекращении такого общения. Завершают классификацию системы ИИ с минимальным риском, такие как видеоигры и спам-фильтры с поддержкой ИИ. В проекте документа указывается, что на сегодняшний день большинство систем ИИ попадают в эту категорию. Поскольку такие реализации ИИ порождают лишь минимальный риск или не представляют никакого риска для прав и безопасности граждан, то законодатель предлагает не вмешиваться в их работу.

Исследуемые явления – право как регулятор общественных отношений, и искусственный интеллект как метод компьютерной имитации мыслительной деятельности, имеющий целью воспроизвести возможности человеческого мозга в полном объёме, возникли в диаметрально противоположных точках общественного развития. Право представляет собой один из наиболее древних институтов организации общества, который начал складываться в первобытных общинах задолго до возникновения первых государств, и прошел по пути эволюции от прямого и безусловного принуждения до либертарно-юридического понимания равенства в свободе¹³.

Искусственный интеллект, напротив, есть ничто иное чем прорывная (disruptive) инновация современности, экспоненциальное развитие которой мы наблюдаем в режиме реального времени. Для осознания того, что есть ИИ необходимо декомпозировать это понятие. Категория интеллект в отношении человека определяется через способность его разума к осознанию себя, пониманию сути и связи вещей, логическому и абстрактному мышлению, способности к обучению, эмоциональному восприятию, накоплению знаний, рассуждению, планированию, творчеству, критическому мышлению, нахождению тонких отличий и решению проблем. Эти данные позволяют человеку как биологическому виду адаптироваться, эволюционировать и выживать в условиях окружающей среды. Искусственный интеллект понимается как обретение вышеперечисленных способностей – созданной человеком машиной. Задачи, решение которых демонстрирует прогресс машин в данном направлении, включают распознавание речи, компьютерное зрение, понимание и перевод текста на разные языки, поддержку контекстного диалога с человеком, глубокое обучение предмету, сопоставление входных и генерация выходных данных.

В работах ученых встречается иерархия уровней развития ИИ с описанием характерных признаков каждого из них. Логично предположить, что правовые проблемы,

¹³ Нерсесянц 2002: 3–15.

возникающие на каждом из уровней, имеют принципиально разный масштаб. Отправной точкой нашего исследования служит вопрос о том, является ли узкий искусственный интеллект (далее – УИИ)¹⁴ тем, чем именуется. Для ответа на него мы проанализируем такие предполагаемые критерии перехода от узкого/слабого к общему/универсальному или сильному искусственному интеллекту (далее – ОИИ)¹⁵ как способность к творчеству и самосознание.

В современном мире право также как и ИИ представляет собой технологию во всем многообразии понимания данного термина.¹⁶ Право является технологией в том значении, что оно есть совокупность методов и инструментов достижения желаемого результата в виде установления и обеспечения исполнения юридических норм. Оно зиждется на применении научного знания для решения практических задач, а также включает в себя апробированные правовые способы, механизмы, режимы функционирования, последовательность действий и алгоритмику юридических процессов.

В инструментально-технологическом аспекте право является совокупностью технических средств и приемов, обеспечивающих наиболее рациональное решение практических и прикладных задач, таких, например, как поиск и сравнение судебных решений, генерация юридических текстов, автоматизация заключения и исполнения контрактов (смарт-контракты), кодирование диспозиций и вариантов поведения субъектов отношений. Непрерывное развитие и расширение корпуса технологий, принятых на вооружение институтом права, оформилось в тенденцию, которая получила определение LegalTech. Экстремум тренда, направленного на механизацию права, описывается формулой «закон – это компьютерный код» или «код это и есть закон» (code is law)¹⁷. Цифровые контентные и блокчейн платформы все чаще применяют типовые электронные договоры и лицензии со стандартными вариантами условий, которые упрощают юридическое взаимодействие с пользователями, и пользователей между собой. Так системы унифицированных лицензий Creative Commons¹⁸ и Can't Be Evil NFT Licenses¹⁹ снабжены инфографикой, позволяющей пользователю без юридического образования понять смысл договорных условий, а также машиночитаемым слоем для их исполнения в автоматическом режиме.

Это новое качество института права работает преимущественно в информационно-коммуникационной среде, при этом все больше производственных и бизнес-отношений,

¹⁴ Райков 2020: 81–88.

¹⁵ Fjelland 2020: 2.

¹⁶ См. напр. Biagioli, Buning 2019: 3.; Санникова, Харитонова 2019: 62.

¹⁷ Lessig 2009: 218–219.

¹⁸ См. <https://creativecommons.org/licenses/>.

¹⁹ См. <https://a16zcrypto.com/posts/article/introducing-nft-licenses/>.

жизнеобеспечивающих и социокультурных процессов переносится в киберпространство. Новые юридические технологии тесно связаны с инструментарием их разработки и средой использования, которые основаны на цифровом компьютерном коде, по этой причине тенденцию технологизации/машинизации правовой системы, имеющую ключевое значение для настоящего исследования, часто квалифицируют в качестве цифровизации права. Высокотехнологичная правовая система современного общества и искусственный интеллект, по сути, имеют единую вычислительно-сетевую природу, поскольку инновационные юридические сервисы часто строятся вокруг ИНС-ядра.

Исследование взаимодействия и противостояния права и искусственного интеллекта²⁰ проводится ниже на основе того, что уже точно известно о возможностях и свойствах так называемого узкого ИИ, и отталкиваемся от прогнозов ученых и собственных представлений об отношениях, которые сложатся в условиях сосуществования человека с сильным ИИ.

На первом этапе мы опишем то какие изменения претерпевает система права под влиянием УИИ. Мы проанализируем свидетельства того, что системы УИИ могут быть использованы для повышения качества законотворческой деятельности, проведения правовых исследований, анализа больших юридических данных, поиска и оценки судебных решений, прогнозирования хода судебных процессов, выработки стратегий сторон обвинения и защиты²¹. Отдельно будет рассмотрена актуальная проблема установления авторства результатов творческого труда, созданных с использованием УИИ²².

На следующем этапе мы проанализируем роль, цели и задачи права в реалиях общего/универсального искусственного интеллекта²³. В этой прогностической части работы вследствие высокой неопределенности относительно состояния общества, взаимодействующего с ОИИ, мы обращаемся к гегелевскому пониманию философии права как подлинной науки о праве. Мы обсудим гипотезу о том, что правовое мышление работает на осознание того факта, что человек является не венцом, но лишь звеном в эволюционном процессе. Из этого предположения следует, что человеческая цивилизация окажется перед необходимостью ответить на вопросы о текущем состоянии, смысле и целях её существования, которые могут быть заданы разумом более высокого порядка. Ответы на эти вызовы мы попытаемся сформулировать, основываясь на правовых мировоззренческих установках.

²⁰ Rosengrün 2022: 1.

²¹ Muller 2020.

²² Gillotte 2019: 2655.

²³ Cuéllar 2019: 1773.

В дискуссионной части статьи мы рассмотрим правовую проблему, которая имеет практическое звучание на переходном этапе от узкого к общему искусственному интеллекту. Интенсивное развитие технологий трансгуманизма повышает вероятность того, что носителем сильного ИИ станет усовершенствованный человек²⁴. Первичные эксперименты по созданию цифровых двойников породили риск противоправного технологического копирования, компьютерной имперсонации личности. В этой связи мы выдвигаем концепцию авторства человека на собственную личность, включающую в себя декларацию личного права на самокопирование, и утверждение сборника материалов, позволяющего создать цифрового двойника (personification data set)²⁵, в качестве отдельного (sui generis) объекта авторских прав. В заключении мы подведём итоги и систематизируем результаты проведенного исследования.

2. Рождение искусственного интеллекта с точки зрения права

В начале должно уяснить существует ли ИИ уже сегодня, или все еще нет. Если к настоящему моменту мы не можем уверенно заявить о присутствии ИИ в наблюдаемой реальности, то необходимо обнаружить и проверить истинность правовых критериев, которые позволяют установить сам факт возникновения ИИ.

На сегодняшний день в научной литературе можно встретить структурно-иерархическое понимание феномена ИИ. Речь идет о выделении так называемых уровней ИИ с указанием характеристик, присущих каждой ступени его развития. Узкий или слабый ИИ – это, по сути, достигнутая к настоящему моменту степень совершенства (state of the art) компьютерно-программной техники, которая справляется с выполнением ресурсоемких вычислительных задач, требующих значительной памяти и доступа к большому объему данных – лучше человека. Уже на этом уровне системы УИИ такие как искусственные нейронные сети, при наличии достаточного объема данных для их тренировки, способны выполнять некоторые творческие задачи, имитируя креативный процесс создания произведения.

Следующая ступень – это общий/универсальный или сильный ИИ, считается, что возможности ОИИ станут равными и в последующем превысят интеллектуальный потенциал человека. Далее выделяют искусственный суперинтеллект (далее – ИСИ), который превзойдет совокупный мыслительный ресурс человечества на несколько

²⁴ Molhoek 2016: 99.

²⁵ Karra, Nguyen, Tulabandhula 2023.

порядков. На этой высоте компьютер или какой-либо иной носитель ИИ должен обрести способность к рекурсивному самосовершенствованию²⁶.

Впервые ИСИ был определен Ирвингом Джоном Гудом в 1965 г. как способность сверхинтеллектуальной машины проектировать еще более совершенные машины²⁷. Это обстоятельство обуславливает быстрое достижение такого состояния как сингулярность. Понятие сингулярность используется для описания момента, когда технологическое развитие станет неуправляемым и необратимым, что приведет к смене цивилизационной парадигмы. Предполагается, что в постсингулярном мире будет мало различий между физической и виртуальной реальностью, если они вообще останутся.

С точки зрения права ситуация принципиально меняется в точке, где достигается равенство интеллектов человека и машины²⁸, поскольку не остается аргументов против признания этих двух сущностей равноправными, а какая-либо дискриминация носителей ИИ становится аморальной, противоречащей юридическим началам и основам справедливости. Определение права помимо протокольной декларации общеобязательных норм поведения, установленных либо санкционированных государством, включает в себя его следующее понимание. Право – это то, что люди считают справедливым.

С позиции справедливости те существа или сущности, которые находятся на одном уровне умственного развития, или иначе – эквивалентны по своим интеллектуальным способностям, должны быть наделены равными правами, в противном случае возникают угрозы их мирному сосуществованию. Так образуется необходимость уравнивания в правах с человеком той техногенной сущности, которая достигнет паритетной степени развития. Наделение равным объемом прав очевидным образом потребует признания правоспособности, дееспособности и других гражданских прав данной сущности. К слову, совершенно необязательно, что это творение останется компьютерным или электронным лицом, как нам это представляется сегодня.

Однако остается открытым вопрос о том каковы критерии или индикаторы с помощью которых возможно установить тот факт, что интеллект искусственный достиг уровня интеллекта человеческого. Что касается дальнейших стадий развития ИИ в направлении ИСИ, то они, по-нашему мнению, находятся за горизонтом осознания. Для ответа на поставленный вопрос представляется необходимым детально исследовать две начальные ступени ИИ, и далее разобраться в том каковы будут правовые последствия перехода от первого состояния ко второму.

²⁶ Pohl 2015: 12.

²⁷ Good 1966: 31.

²⁸ Zadeh 2008: 11.

2.1. Является ли узкий искусственный интеллект тем, чем именуется?

Итак, УИИ описывается как достигнутый к настоящему моменту уровень развития компьютерной техники или иначе – совокупность передовых алгоритмических, программных и аппаратных вычислительных средств цивилизации²⁹. На данной ступени эволюции ИИ алгоритмы и программное обеспечение (далее – ПО) проектируется и разрабатывается преимущественно инженерами-программистами, то есть людьми. Широко обсуждаемые GPT модели привлекаются в основном для реализации стандартной функциональности автоматизированным способом, но постановка задач и творческая составляющая продолжает выполняться человеком, при этом все стадии процесса от ввода данных и команд до вывода результатов открыты, доступны, контролируются и прозрачны для проверки. ПО, как правило, специализировано для работы в одной конкретной области (за исключением самообучаемых лингвистических моделей, которые оказались функциональными в разных областях), и математически доказано, что его использование безопасно. Даже в управляемых моделями архитектурах, где создание исходного программного текста частично автоматизировано, финальная версия кода редактируется людьми, а результаты его исполнения предсказуемы и корректируемы.

Таким образом, системы УИИ представляют собой классические результаты интеллектуальной деятельности в виде компьютерного кода или программ для ЭВМ, как они именуется в ГК РФ, и принадлежат конкретным правообладателям, которые несут ответственность за результаты их работы. Правообладатель может быть первичным если автор/коллектив авторов не отчуждал или не передавал своих исключительных прав другому лицу по лицензионному соглашению, или вторичным, если такая передача состоялась. Что касается ответственности авторов/правообладателей за возможные негативные последствия результаты работы их ПО, то это важный, но сложно разрешимый вопрос в силу специфичности принципиальных положений института интеллектуальных прав.

Действующий режим охраны программ для ЭВМ, черпающий свои начала в Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений, которая была принята в 1886 г.³⁰, предполагает, что компьютерный код – это литературный текст. В литературном тексте, как известно, может иметь место авторский, отклоняющийся от

²⁹ Surden 2019: 19–22.

³⁰ См. Официальный текст на сайте Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) <https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/textdetails/12214>.

принятых правил синтаксис, возможно использование неологизмов и иных лингвистических новаций. В этих обстоятельствах автор программного кода может ссылаться на то, что ошибка в его тексте ошибкой не является, та часть литературного или программного произведения, которая внешним наблюдателем оценивается как проблемная с точки зрения формы или выдачи неверных результатов, представляет собой авторскую новацию, оригинальное прочтение, самобытное написание или нестандартное видение творца.

Именно такую ситуацию мы имеем сегодня, когда разработчики программного кода могут не признавать своих ошибок для избежания ответственности, ссылаясь, например, на авторский синтаксис. Данный казус точно описывается известным мемом «это не баг, а фича»³¹. Разработчики интеллектуального, роботизированного, автоматического ПО, работа которого может быть сопряжена с опасностью для окружающих (например, софт для управления беспилотными транспортными средствами, роботами-ассистентами, персональными помощниками и агентами), хорошо понимают, что переложить ответственность за возможные сбои и нанесенный ущерб на некий искусственный интеллект, который начал «думать и принимать решения сам», не представляется возможным. Поэтому производители киберфизических систем, оснащенных УИИ, с целью сложить с себя ответственность за возможный ущерб предприняли законодательную попытку наделить правоспособностью зарегистрированных роботов-агентов и делегировать ответственность за их действия новым правообладателям – покупателям этих устройств³². Данная законотворческая инициатива не прошла, видимо, по причине невозможности считать компьютерный код субъектом права, а также вследствие отсутствия доказательств существования искусственного интеллекта, исходя из обиходного понимания этого феномена.

Невозможно не признать, что среди неискушенной аудитории посеяны сомнения относительно юридической ответственности в инцидентах с участием систем УИИ. Дискуссия об установлении ответственного лица вспыхивает каждый раз, когда случается очередная авария беспилотного автомобиля, поскольку это изделие научно-популярными интересантами квалифицируются в качестве средства, оснащенного ИИ³³. Попытки сделать ответственным «сам ИИ» предпринимаются в случае применения инструментов УИИ для

³¹ На компьютерном сленге слово «баг» значит ошибка, а термином «фича» именуется полезная функция.

³² См. Официальный сайт газеты «Ведомости» о Законопроекте Гришина Д.С. «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники»: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/07/06/711134-robotov-zhivotnim>.

³³ Gill 2020: 272.

совершения противоправных деяний в киберпространстве. С помощью УИИ проводятся скоординированные компьютерные атаки, осуществляется кража данных, неразрешённое использование охраняемых авторских правом произведений, вмешательство в работу информационных систем управления и другие противозаконные действия³⁴. И всё же последствия злонамеренного использования систем УИИ на сегодняшний день остаются контролируруемыми и просчитываемыми, как логическим методом рекурсии, так и инженерным способом, который в терминах интеллектуальных прав называют реверс-инжинирингом (обратная разработка).

Вышесказанное подводит нас к выводу об отсутствии оснований для признания искусственным интеллектом того, что именуют узким искусственным интеллектом. Согласно закону достаточного основания Аристотеля и вытекающему из него методологическому принципу Оккама «не следует множить сущее без необходимости», тот факт, что все что мы знаем об УИИ сегодня вполне укладывается в описание этого явления как достигнутый уровень развития компьютерных технологий – с точки зрения философии и техники, а также как результат интеллектуальной деятельности человека – с позиции права, не позволяет нам вводить новое понятие для наименования этого явления.

Понимание ИИ как способности к познанию, осознанию и разрешению проблем, также не позволяет признать интеллектом то, что именуют системами с узким или слабым интеллектом. Системы УИИ не обладают способностями к познанию, пониманию и решению проблем, при этом они имитируют все вышеперечисленное посредством исполнения компьютерных команд. Текущий уровень развития ИИ, если уместно говорить об ИИ на этой стадии, очевидно не позволяет всерьёз рассуждать о его субъектности, гражданской право- и дееспособности. Ответственность за возможные правонарушения и ущерб, нанесенный системами с УИИ, лежит на их правообладателе.

На сегодняшний день не произошло качественного перехода от одного состояния к другому – от достигнутого уровня компьютерной техники к тому, что может быть аттестовано в качестве ИИ, тогда как только диалектически обусловленный скачок манифестирует рождение нового феномена, требующего соответствующего наименования.

Твердо придерживаясь позиции, что узкий искусственный интеллект не является искусственным интеллектом, в дальнейшем в настоящей статье мы все же будем использовать данный термин, поскольку не можем выпасть из актуального дискурса игнорируя тот факт, что термин УИИ широко употребляется исследователями для

³⁴ Kaloudi, Li 2020: 2.

обозначения текущей стадии развития технологий данного типа в качестве видového понятия, а также является одним из элементов общепризнанной архитектуры ИИ.

2.2. Самосознание как критерий рождения искусственного интеллекта

Общий/универсальный искусственный интеллект характеризуется равенством когнитивных способностей компьютерных средств тем, что присуще человеку практически во всех областях, включая способность рассуждать, планировать, решать проблемы, абстрактно мыслить, понимать сложные идеи, обучаться на основе внешнего и собственного опыта. Предполагается, что полнофункциональное воспроизведение когнитивных способностей человека программно-компьютерными средствами приведет к тому, что, столкнувшись с незнакомой проблемой система ОИИ самостоятельно найдет ее решение. Считается, что ОИИ справится с выполнением любой посильной человеку задачи.

На данный момент систем ОИИ не существует, но если они появятся в будущем, то превысят человеческие возможности вследствие доступа к исчерпывающему объему данных и способности их обрабатывать с высокой скоростью. Исследователи отмечают следующие ряд областей, в которых успехи ОИИ проявятся наиболее впечатляющим образом³⁵.

Первая область, как и в случае с УИИ – это креатив в творческих индустриях. ОИИ сможет читать, понимать и усовершенствовать созданный человеком код, а также создавать новые и производные произведения во всех известных сферах науки и техники. Вторая область – это чувственное восприятие. ОИИ преуспеет в распознавании цветов, постижении глубины и многомерности статических и динамических предметов и изображений. Третья сфера – это овладение моторикой как скоординированной последовательностью действий, включая мелкую и тонкую моторику. Примером здесь может служить способность вынуть связку ключей из кармана, что требует достаточно высокого уровня чувственного и творческого восприятия. Четвертая область ожидаемых достижений ОИИ – это способность понимать естественный язык человека. Понимание разговорного языка, как известно, в значительной степени зависит от контекста коммуникации. Считается, что ОИИ будет обладать интуицией, которая позволит ему овладеть естественным языком человека. Пятое направление прогресса ОИИ – это навигация и ориентация в пространстве. Действующие сегодня спутниковые системы позиционирования (Global navigation satellite system – GNSS) позволяют определить

³⁵ The AI Index 2023 Annual Report.

географическое местоположение объекта с точностью до 1–3 метров. ОИИ же сможет не только определять координаты с более высокой точностью, но и осуществлять ориентацию своей внешней формы и ее частей, проецировать и управлять собственным движением в окружающем пространстве.

Вышеперечисленные способности ОИИ, включая чувственное восприятие, моторику, понимание человеческого языка и синтез речи, ориентацию и проекцию движений в пространстве объединяет то, что совокупность этих атрибутов присуща человеку. Логично ожидать, что нечто обладающее интеллектом и суммой этих возможностей ни в чем не будет уступать человеку, кроме того, что он природой наделен физическим телом. Однако и системы ОИИ могут быть реализованы во внешней форме, сходной до степени смешения с человеческой.

Вышеуказанная сумма когнитивных функций мозга и физических способностей представляется достаточной для совершения следующего шага вверх по лестнице эволюции, осуществления качественного прорыва, диалектического перехода в виде достижения общим ИИ так называемого перцептивного самораспознавания³⁶ и приобретения автоноэтического («знающего о себе») сознания³⁷. Под сознанием мы понимаем высшую когнитивную функцию существ, проявляющуюся прежде всего в самосознании, осознании и распознавании себя. Самосознание определяется как осознание субъектом самого себя в отличие от других субъектов и мира вообще, понимание своих жизненно важных потребностей, мыслей, чувств, мотивов, инстинктов, переживаний, действий³⁸.

Как пишет профессор Калифорнийского политехнического университета Йенс Пол: «На первый взгляд кажется невероятным чтобы машина обрела представление о себе, о своем окружении, обзавелась собственными убеждениями, намерениями, потребностями и желаниями. Возможность создания машины с самосознанием зависит от того, является ли самосознание не более чем совокупностью функций мозга или чем-то более высоким, чем это. Если самосознание является чем-то более высоким, чем функционирование мозга, то воссоздать самосознание в машине невозможно. С другой стороны, если самосознание – это не более чем агрегированная совокупность функций мозга, то воссоздание самосознания в машине действительно возможно»³⁹. Сделаем оговорку, что мы не считаем возникновение сознания и самосознания ОИИ решённым вопросом, мы лишь утверждаем, что для этого появляются необходимые предпосылки.

³⁶ Fazekas, Morten 2018: 1.

³⁷ Меркулов 2005: 152.

³⁸ Morbini, Schubert 2005: 4–9.

³⁹ Pohl 2015: 17.

Достоверным является факт, что в процессе эволюции человек обрел сознание, которое поэтапно развивалось и усложнялось через накопление информации в процессе переживания опыта – от перцептивного к символично-вербальному сознанию, и далее к высоким когнитивным способностям восприятия и обработки информации, накоплению знаний и их концептуализации⁴⁰. Здесь логично задаться вопросом о том не приведет ли обучение искусственных нейронных сетей и/или лингвистических моделей к аналогичному результату, то есть возникновению сознания и самосознания у техногенных существ. Добровольные тестировщики обучаемых нейронных сетей все чаще делятся примерами полученных ответов, которые и в шутку и всерьез трактуют как первичные признаки проявления сознания⁴¹.

Ученые эволюционисты считают, что в силу информационной природы сознание как когнитивная способность возникает вне зависимости от внешнего контроля⁴². Сказанное заставляет выдвинуть гипотезу, что именно это может произойти в результате накопления вышеописанных когнитивных и физических возможностей, характерных для уровня ОИИ. Если это случится, то момент появления самосознания искусственного интеллекта станет пороговым событием, диалектическим переходом количества компьютерных вычислений и сеансов обучения нейронных сетей в качество объективации того, чего раньше не существовало. С правовой точки зрения этот момент представляет собой юридический факт, который можно уподобить такому акту гражданского состояния как рождение. Только в данном случае речь идет не о рождении человека, а о появлении на свет самосознающей техногенной сущности. Данный юридический факт в соответствии с логикой действующего законодательства порождает для ИИ такое правовое последствие как признание гражданской правоспособности, по аналогии с тем, как это происходит в отношении ребенка. Гражданская правоспособность – это способность иметь гражданские права и нести обязанности, она возникает в момент рождения и прекращается смертью человека.

Гражданская правоспособность тесно связана с гражданской дееспособностью, которая понимается как способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. В соответствии со ст. 21 ГК РФ гражданская дееспособность возникает в полном объеме с наступлением восемнадцатилетнего возраста. Физические лица признаются полностью дееспособными в дату их совершеннолетия в силу протяженного периода умственного

⁴⁰ Меркулов 2005: 153.

⁴¹ Аллун 2022.

⁴² Меркулов 2005: 157.

развития. Основываясь на видимых уже сегодня достижениях УИИ следует предположить, что ко времени обретения сознания уровень умственных способностей и зрелости ИИ будет выше, чем у среднестатистического гражданина, подошедшего к совершеннолетию. По этой причине согласно нормам действующего законодательства ИИ должен быть признан правоспособным и дееспособным одновременно в момент рождения, то есть в точке обретения сознания.

Вышесказанное позволяет нам дать правовое определение того, что есть ИИ в юридической системе координат. С правовой точки зрения ИИ – это самосознающая техногенная сущность, наделенная тем же объемом прав, что и человек. До обретения искусственным интеллектом самосознания говорить о его появлении на свет невозможно.

2.3. Творчество как индикатор рождения искусственного интеллекта

В исследовательской литературе встречается гипотеза, что факт обретения сознания может быть детектирован не только прямо через квалифицирующие признаки этого состояния, но и косвенно, посредством выявления способности к творчеству, как наиболее сложной и всеобъемлющей функции мозга⁴³.

Проанализируем этот критерий. Под творчеством понимается создание чего-то нового, ранее не существовавшего, например, оригинального произведения искусства или уникального технического решения. Согласно первой – идеалистической трактовке творчества, его сердцевиной выступает внутреннее озарение – инсайт⁴⁴, как некоторое состояние, в котором и совершается акт создания уникального творческого продукта. Описанная динамика присуща одушевлённым существам и не может реализоваться в исполнительном устройстве. Продуцирование генеративными нейронными сетями высококачественных, иногда неожиданно впечатляющих артефактов является следствием исполнения детерминированных алгоритмических процессов, таких как поиск, сравнение, выбор вариантов, анализ, синтез, балансировка весов элементов, вошедших в финальную сборку, применение методик конструирования, лингвистических моделей и др. Инсайт в этом процессе отсутствует, поскольку не может быть запрограммирован вследствие научной неопределенности данного явления, следовательно результаты работы генеративных инструментов согласно идеалистической концепции творчества не могут считаться творческими. Следуя формальной логике, если генеративные искусственные нейронные сети необъяснимым образом начнут проявлять то, что может быть

⁴³ Bonabeau 2003.

⁴⁴ Cosmelli, Preiss 2014: 1184.

квалифицировано в качестве инсайта, то данный факт придется признать обретением ими способностей к творчеству и констатировать рождение ИИ по данному критерию.

Вторая концепция творчества не полагается на божественную искру инсайта и оперирует строгими научными закономерностями. Данный подход предполагает, что творчество реализуется через множество итераций, проб, ошибок и попыток, большое количество которых может приводить к возникновению нового качества – уникальных произведений, выполненных в оригинальном стиле и технике. Также эту концепцию можно описать как перерастание множества повторений – сеансов репродуцирования известного материала, в продуцирование оригинального произведения – по законам диалектики. Иначе эту идею можно описать формулой, что творчество – это интеллектуальная деятельность человека, приводящая к реализации трех законов диалектики в отношении исходной креативной идеи и её составляющих. Количество усилий творца переходит в качество произведения, единство формы объекта достигается в борьбе различных приемов и методов его создания, рождение нового произведения становится актом отрицания предшествующих творений, послуживших источником вдохновения, содержания, научных, технических и художественных подходов. Если в этой сентенции человека-творца заменить условным компьютером, то закономерность останется рабочей, что и происходит сегодня на примере нейронных сетей, обученных генерировать разнообразный контент. Такой взгляд на творчество с нашей точки зрения вполне допускает запрограммированный вычислительно-итеративный креатив компьютера уже сегодня на уровне узкого искусственного интеллекта. Этот вывод подтверждается позитивными отзывами пользователей генеративных ИИС, настроенных на компиляцию квази-творческих продуктов.

В итоге, фактор способности к творчеству необходимо исключить из списка пороговых условий, символизирующих возникновение общего/универсального искусственного интеллекта. Единственным критерием, который позволяет установить факт рождения ИИ, остается обретение техногенной сущностью сознания. При свершении данного юридического факта в соответствии с действующей правовой доктриной ИИ должен наделяться гражданской право- и дееспособностью.

3. Право в реалиях узкого искусственного интеллекта

Далее нам необходимо вернуться в текущую ситуацию и проанализировать то, как УИИ влияет на правовую систему современного общества. И здесь нелишним будет привести некоторые статистические данные. В отчете AI Index Report 2023, выпущенном

Университетом Стэнфорда, указано на то, что юридический мир все в большей степени начинает замечать влияние ИИ. В 2022 г. в судах штатов и федеральных судах США было рассмотрено 110 судебных дел, связанных с ИИ, что в семь раз больше, чем в 2016 г. Большинство этих дел было возбуждено в Калифорнии, Нью-Йорке и Иллинойсе, и касалось гражданских дел, интеллектуальной собственности и договорного права⁴⁵.

Системы УИИ приносят значительную пользу правовым институтам государств, повышают уровень их технологичности, снижают количество ошибок в законодательной и правоприменительной практике, позволяют автоматизировать рутинные процессы. На международном уровне при разработке актов наднационального права УИИ может быть использован для анализа неунифицированной нормативной базы стран и выработки приемлемых, приводящих к единому правовому знаменателю, формулировок норм деклараций, конвенций и международных договоров.

Рассмотрим несколько конкретных областей, в которых УИИ повышает эффективность юриспруденции уже сегодня, а затем подробно остановимся на резонансной проблеме, связанной с правами на творческий контент, созданный с использованием генеративных нейронных сетей.

3.1. Повышение эффективности правовых механизмов с помощью УИИ

Решения на основе УИИ и машинного обучения все чаще используются при разработке договоров и в адвокатской практике для автоматического анализа условий контрактов с целью выявления противоречий и ошибок, которые могли быть допущены юристами-людьми. Так, например, стартап Lawgeex⁴⁶, оказывает услуги по ревизии условий контрактов с компьютерной скоростью и точностью.

Для составления юридически грамотных договоров систему УИИ требуется обучить с помощью массива размеченных тегированных данных, содержащих качественно разработанные и оформленные контракты, которые написаны в альтернативных правовых юрисдикциях, на разных языках, с учетом актуальных норм непрерывно меняющегося законодательства. Создание такой базы данных само по себе является трудоемкой задачей, которая на сегодняшний день может быть автоматизирована лишь отчасти и требует финишной верификации высококлассными специалистами. Использование недостаточно качественных данных для обучения УИИ ведет к неудовлетворительным результатам генерации правовых текстов и усугубляет эффект плохой юридической работы. Для

⁴⁵ The AI Index 2023 Annual Report: 17.

⁴⁶ См. <https://www.lawgeex.com/>

удовлетворительного функционирования в сфере права инструментам ИИ часто не хватает предметно структурированной информации и точности владения казуально-контекстным юридическим языком.

Еще один вид полезности УИИ наблюдается в судебных процессах с привлечением сторонами большого массива данных. В этом случае УИИ применяется для просчитывания того какой информацией обладает оппонент и на каких этапах спора он ее предъявит. Верно и обратное, эта техника позволяет выявлять информационные лакуны в доказательном багаже сторон. Прогноз относительно информационной оснащенности противостоящей стороны используется для выстраивания стратегии выигрыша дела. Сервисы по машинному майнингу данных и поиску информационных пробелов оказывают такие компании как, например, CS Disco⁴⁷, востребованность услуг которой подтверждена привлечением инвестиций на открытом рынке.

Следующая область, где продуктивно используется УИИ – это исследования и анализ юридической практики. Известно, что решения правовых споров исключительно контекстуальны⁴⁸. В этой связи имеют значение тончайшие аспекты кейсов, описанные в деле конкретно-предметным языком. На протяжении десятилетий поиск и анализ судебных текстов осуществлялся по ключевым словам, что не позволяло эффективно находить релевантные кейсы, многие из которых оказывались упущенными из виду по причине использования альтернативного тезауруса, при том, что суть дел и решения по ним были близки или даже тождественны предмету рассмотрения. УИИ обеспечил прогресс в данной области за счет реализации семантического поиска. Алгоритмы машинного обучения настраиваются так, чтобы понимать значения слов в предметно-смысловом ключе, что повысило качество выдачи результатов поиска.

Далее следует отметить применение УИИ для прогнозирования результатов юридических процессов. Оценка вероятности исхода судебного процесса, сделанная на основе компьютерного анализа и синтеза множества факторов, имеет высокую ценность. Она позволяет адвокату определиться следует ли ему брать дело, стоит ли инвестировать в проведение экспертиз и какие суммы, либо посоветовать клиенту заключить мировое соглашение в рамках досудебного урегулирования. Такие компании как Lex Machina⁴⁹ используют машинное обучение и прогнозную аналитику для составления профессиональных портретов судей и адвокатов, выявления общих и особенных обстоятельств дела, вычисления моделей поведения сторон и результатов процесса.

⁴⁷ См.: <https://csdisco.com/>

⁴⁸ Hafner, Berman 2002: 19.

⁴⁹ См.: <https://lexmachina.com/>

Важным аспектом практического использования УИИ в англо-американской практике является консультирование судей по условиям приговора, для оценки риска рецидива, при принятии решения о предварительном заключении, освобождении под залог и досрочном освобождении. В профессиональном юридическом сообществе не утихают споры относительно справедливости рекомендаций этих систем⁵⁰. В частности, речь идет об их статистически-априорной предвзятости в отношении чернокожих заключенных, которых ИИ квалифицирует в качестве потенциальных рецидивистов с диспропорционально высокой вероятностью. Некоторые специалисты считают, что ИИ может наследовать и усиливать тенденциозность, которая присуща системе уголовного правосудия. Данные, используемые для машинного обучения о количестве арестов и обвинительных приговоров, могут быть искажены в отношении некоторых групп населения⁵¹. Таким образом УИИ может усилить сложившуюся несправедливость судебной машины, придав ей видимость компьютерной объективности.

В области законотворческой деятельности УИИ может значительно сократить количество противоречий в законодательстве. Система законов представляет собой связанный гипертекст, однако отдельные нормативные акты в этом фолианте написаны юристами различных правовых специальностей. Вследствие данного обстоятельства, а также многомерности и междисциплинарности системы права, которая в разных своих фрагментах может строиться на ортогональных концепциях, возникают коллизии, конкуренция и дублирование правовых норм, что приводит к сбоям в работе механизмов регулирования отношений. Современная теория права вмещает в себя юридические коллизии, определяет порядок их классификации, способы разрешения и устранения. Минимизация юридических противоречий может входить в условие задачи по разработке нормативных актов, которая выполняется с использованием УИИ.

3.2. Проблема авторских прав на результаты творческого труда, созданных с использованием УИИ

В публичное пространство наиболее часто попадают инциденты и споры, связанные с принадлежностью прав на контент, сгенерированный искусственными нейронными сетями, которые в соответствии с нашей классификацией также стоят на ступени УИИ. Этот контент включает в себя тексты, изображения, аудиовизуальные объекты, программный

⁵⁰ Rafanelli 2022.

⁵¹ Du 2021: 78.

код и другие произведения, которые создаются с помощью функционально развитых компьютерных средств, натренированных на массиве соответствующих данных для достижения искомого результата. Производство контента осуществляется математически-алгоритмическими методами генерации, компиляции, синтезирования, модификации и переработки информации. Для ответа на вопрос о том кто должен быть признан автором произведения, сгенерированного с использованием средств УИИ, юристы предлагают следующие теоретически возможные варианты: 1) создатель ПО; 2) пользователь ПО; 3) правообладатель и пользователь являются соавторами; 4) само ПО (допускают и такой экзотический вариант, видимо при условии признания правоспособности ИИ); 5) произведение необходимо включать в массив общественного достояния, поскольку отсутствует субъект, который может быть наделен правами автора⁵².

Правовая доктрина мира отреагировала на этот вызов выработкой концепции произведения, которое создано компьютером или с помощью компьютера – computer generated work (далее – CGW)⁵³. Эта концепция предполагает три гипотезы: 1) произведение целиком и полностью создано компьютером без участия человека (подача электричества и запуск автоматического устройства в расчет не принимаются); 2) произведение создано компьютером в результате выполнения детальных инструкций человека; 3) произведение создано человеком, но значимая часть творческой работы выполнена с помощью алгоритмов, специально разработанных для реализации креативных методов и техник.

По общему правилу авторские права принадлежат лицу, которое выступило создателем произведения. Концепция CGW допускает, что произведение, которое создано компьютером или с его помощью, может получать охрану авторским правом. Однако в большинстве стран мира для возникновения авторских прав на произведение должен существовать человек-автор – физическое лицо, которое только и может признаваться автором. В рамках классической парадигмы для достижения задуманного, заранее воображённого либо оформившегося в творческом процессе результата, требуется ввод информации и сообщение компьютеру инструкций, что само по себе составляет мастерство, отражает суждения, умозаключения и креативные способности человека. Эта норма означает, что компьютер, ПО, генеративная нейронная сеть, система УИИ, не будучи человеком не может получать авторского статуса.

Данное противоречие в рамках концепция CGW снимается посредством дифференциации степени вовлеченности программно-технических средств в творческий процесс. Первая гипотеза этой концепции предполагает, что произведение создано

⁵² Perry, Margoni 2010: 625.

⁵³ Denicola 2016: 251.

компьютером целиком и полностью. Речь идет о литературных, драматических, музыкальных, программно-технических и других художественных произведениях, в создании которых человек не участвовал. Вклад человека был ограничен лишь нажатием условной кнопки «пуск» для включения компьютерной системы. Так, например, прогнозы погоды часто целиком и полностью генерируются компьютером, который находится в прямой связи с метеорологическим спутником, также и фотографии делаются с помощью камер автоматической съёмки. Физический оператор генерирующей системы в этом случае никак не влияет на форму и содержание результирующего вывода данных. Важно ответить на вопрос кто является автором такого произведения. В деле Nova Productions Ltd против Mazooma Games Ltd (2007) было установлено⁵⁴, что отдельные кадры, генерируемые и отображаемые на экране компьютерной игрой, представляют собой художественные произведения, созданные компьютером. Автором этих фреймов был признан человек – программист, который разработал правила и логику генерации имиджей в динамике игры. Пользователь же игры не привнёс ни художественного мастерства, ни творческого труда, поэтому он не является автором полученного результата. Несмотря на обоснованность и прецедентность данного решения, оно является сугубо казуальным, то есть удовлетворительно работающим лишь в данных конкретных обстоятельствах, и не покрывает всех возможных случаев с иным балансом творческого вклада со стороны разработчика и пользователя ПО.

Вторая гипотеза концепции CGW предполагает создание произведения в результате отработки компьютером команд и инструкций, полученных от человека. Движение к искомому результату может осуществляться в итерационном режиме постановки уточняющих задач (т.н. prompts), то есть по мере того, как человек критически оценивает результат выполнения компьютером предыдущей команды. В качестве примеров созданных по такой методике произведений можно привести текст, написанный нейросетью GhatGPT по инструкциям пользователя, архитектурный план, образ которого сложился в голове архитектора, но вычерчен системой автоматизированного проектирования (САПР), или отчет, сведенный компьютером в электронную таблицу по запрограммированному человеком макросу. С юридической точки зрения этот вариант представляется наиболее простым, поскольку компьютер очевидным образом выступают лишь в качестве инструмента, который применяется для достижения конечного результата – точно так же, как кисть художника при написании полотна. Электронный вычислитель, так же как карандаш, холст и краски не имеет отношения к авторству картины, творческий

⁵⁴ См. Текст решения <https://www.5rb.com/wp-content/uploads/2013/10/Nova-Productions-Ltd-v-Mazooma-Games-Ltd-CA-14-Mar-2007.pdf>

продукт де-факто создан не компьютером, но человеком, поэтому автором признается то лицо, которое использовало компьютер и софт для создания произведения. Авторское право пользователя аппаратно-программного комплекса действует в отношении созданного произведения с момента сохранения объекта на носитель постоянной памяти устройства, его распечатки или иной фиксации в объективной форме.

Третий вариант находится между полюсами двух ранее рассмотренных и является наиболее сложным. Произведения третьего типа попадают в нишу между теми, что созданы человеком с помощью программно-аппаратных инструментов, и теми, что целиком и полностью сгенерированы компьютером без участия человека. В эту категорию относят произведения, сгенерированные музыкальным синтезатором на основе инструкций человека, но с использованием алгоритмов автоматического производства музыки, обученных применению законов композиции, в нее же попадает большая часть специализированного программного обеспечения.

Ответ на вопрос о том, кто должен быть признан автором произведения третьего типа, является наиболее сложным с юридической точки зрения. Мы считаем, что в соответствии с нормами действующего законодательства об авторских правах такое произведение необходимо рассматривать как совместный результат творческого труда следующих субъектов: 1) пользователь генератора произведений; 2) разработчик или коллектив разработчиков алгоритмов и/или ПО для реализации творческих техник, здесь же стоит отметить что этот субъект является первичным правообладателем этой программы для ЭВМ; 3) создатель базы данных, которая используется для тренировки генеративной искусственной нейронной сети (machine learning dataset).

При создании генератора произведений нередко используются охраняемые работы других авторов – для обучения нейронной сети как функционального ядра данного инструмента тому, как может выглядеть искомый результат, и техникам его достижения⁵⁵. Авторы использованных работ зачастую публично высказываются против такой эксплуатации результатов их творческого труда и требуют защиты своих прав, которые, как они считают, оказываются нарушенными⁵⁶. Авторы заявляют, что компьютерные генераторы обесценивают их творчество, потому что натренированная сеть способна быстро и без затрат выдать бесконечное множество имитацией, выполненных в их уникальной манере. Фактически авторы требуют отмены правила о свободном использовании произведений в образовательных целях применительно к машинному обучению нейронных сетей, и введения правила о необходимости испрашивать возмездное

⁵⁵ Xu, Liu, Mou, Wu, Zeng 2020: 566.

⁵⁶ Gillotte 2019: 2659.

разрешение на этот вид использования их работ. Условия получения такой лицензии могут предусматривать выплату роялти за использование сгенерированного результата или плату за право на переработку произведений. Эта правовая инициатива, получившая наименование «справедливое обучение» – «fair learning», находится в стадии активного обсуждения среди специалистов, и пока не получила доктринального закрепления. Однако если это произойдет, то вышеуказанный список претендентов на соавторство произведений третьего типа будет дополнен еще одним субъектом – автором охраняемых работ, использованных для обучения творческого генератора.

Притязания на соавторство вышеперечисленных субъектов имеют под собой основания в действующих нормах законодательства об интеллектуальной собственности. Так активность пользователя генеративного инструмента может быть квалифицирована в качестве творческого труда, при условии, что полученный результат зафиксирован объективной форме. Этого вполне достаточно для признания пользователя соавтором. Изготовителю базы данных принадлежит исключительное право на ее использование в соответствии с нормой закона. Автор или коллектив авторов, создавший генератор творческих продуктов, также может требовать признания его соавтором на тех основаниях, которые будут подробно исследованы далее.

Отношения между соавторами, включая случаи отдельного и нераздельного соавторства, регулируются заключенным между ними соглашением. Необходимо проанализировать важную особенность данных отношений. Сегодня творчески-генеративные модели такие как GPT, DALL-E 2, Stable Diffusion, Midjourney, Autodraw и другие, находятся на стадии тестирования, доработки и продолжающегося обучения. На текущем этапе активность взаимодействующих с ними пользователей, является важным ресурсом для анализа качества их функционирования, источником информации для тестирования, повышения точности итеративной кооперации, восприятия и отработки задач, развития возможностей алгоритмического ядра, то есть – фундаментом их совершенствования. Иногда это взаимодействие приводит к неожиданному для самих разработчиков качественному скачку, как, например, это произошло с моделью GPT, которая спонтанно обучилась алгебре, составлению новых лекарственных формул и овладела навыком многоязычности, за счет экстенсивного увеличения количества тренировочных данных, введенных в компьютер без установочных инструкций для постижения конкретных областей знаний⁵⁷.

⁵⁷ Maruyama 2021.

Правообладатели творчески-генеративных инструментов в условиях своих лицензионных соглашений пока еще не претендуют на передачу им исключительных (имущественных) прав на создаваемые с их помощью произведения. При этом некоторые из них уже требуют указания того факта, что творческий продукт создан с применением их продукта. Данное требование в системе континентального права именуется правом авторства и входит в состав личных неимущественных правомочий автора. В англо-американской системе правила примерно такие же, за исключением того, что в качестве автора и носителя личных прав может выступать юридическое лицо – корпорация (например, Google, IBM или Microsoft). Важно понимать, что законодательство об интеллектуальных правах позволяет правообладателю творчески-ориентированного генератора, реализованного в виде такого охраняемого объекта как программа для ЭВМ, требовать признания его соавтором произведения и наделения исключительными – имущественно-экономическими правами. Для этого ему достаточно включить соответствующее императивное условие в лицензионное соглашение на использование результата интеллектуальной деятельности, собственником которого он является. Если потенциальный пользователь не согласен с условием соавторства и вытекающим из него порядком совместного распоряжения имущественными правами на произведение, то он не сможет правомерно использовать данный инструмент.

Двигаясь вперед в логическом развитии данного подхода, можно усмотреть вероятность того, что в случае узкоспециализированных преднастроенных творческо-генеративных инструментов (например, музыкальный синтезатор, мультипликационный аниматор или хореографический визуализатор), их правообладатели могут требовать признания созданных пользователями произведений – производными. Данное условие достаточно продекларировать в лицензионном соглашении с обоснованием, что творческий материал, который содержится в памяти инструмента (программный код, литературный текст, изображения, музыка) и используется при генерации результата по запросу внешнего пользователя, сам по себе обладает достаточным уровнем новизны и оригинальности, создан творческим трудом и выражен в объективной форме исходного текста программы для ЭВМ, то есть охраняется авторским правом как одно или несколько самостоятельных произведений. А также, что выполнение компьютером запрограммированных процедур обработки, переработки, синтеза и иной переделки материала, представляет собой не что иное чем творческий труд разработчика, упакованный в код системы. Нам представляется, что не существует доктринальных препятствий для применения этой теоретической конструкции на практике, и ее активация в коммерческих целях является лишь вопросом времени.

4. Право в реалиях общего/универсального/сильного искусственного интеллекта

Приступая к анализу соотношения права и ОИИ еще раз подчеркнем, что искусственным интеллектом мы считаем техногенную сущность с оформившимся самосознанием. До достижения этого состояния все что мы имеем в этой области искусственным интеллектом именоваться не должно, однако по сложившейся традиции все же именуется, но с уточняющей характеристикой – узкий/слабый ИИ.

Оценку взаимного влияния ОИИ и права необходимо начать с выбора опорной позиции относительно того, чем является и как работает право в современном обществе. На протяжении многих столетий периодически возобновляются классические дискуссии между наиболее яркими приверженцами легистского и юснатуралистического типов правопонимания⁵⁸. Современные правоведы обогатили это знание третьей – либертарно-юридической теорией права, постулаты которой в отличии от двух классических концепций позволили обосновать легитимность и определить пределы законного насилия со стороны государства как инструмента для достижения равенства граждан в свободе. В основе дихотомии правопонимания остаётся противоречие между потестарным легизмом, постулирующим, что право есть закон, который подлежит безусловному исполнению под угрозой наказания, несмотря на всего его недостатки, и правом как чутким социальным регулятором, функциональность норм которого во многом зависит от того насколько граждане считают их справедливыми, и как следствие, соглашаются или не соглашаются их исполнять. В рамках второго подхода текст закона рассматривается как законодательная прескрипция, официально-властное предписание, которое автоматически, лишь по факту его оформления – нормой права не становится⁵⁹. Как это точно сформулировано А.В. Поляковым: «законодательное правило только тогда становится правовой нормой, когда оно конституирует право, т.е. коммуникативное взаимодействие правовых субъектов, при котором каждый из них будет определять свое поведение в соответствии с имеющимися правами и обязанностями. Правовое взаимодействие субъектов права само объективируется в виде вторичного правового текста, интерпретация которого наряду с первичным правовым текстом и создает правовую норму. Другими словами, правовая норма конституируется правовыми отношениями, а правовые отношения – правовой нормой»⁶⁰. Именно такой – социально-институциональный подход к правопониманию является единственно продуктивным для исследования соотношения права и ИИ.

⁵⁸ Nadler 2008.

⁵⁹ Четвернин 2010: 9.

⁶⁰ Поляков 2003: 279–280.

Социальный подход к правопониманию, который строится на справедливости норм права и равенстве в свободе, заставляет нас обратиться к порядку, в соответствии с которым современное право решает вопрос соотношения прав существ, обладающих разным уровнем разумности. Единой общепринятой теории и иерархии разумности живых организмов не существует. Эволюционисты определяют категорию разумности существ через их способность накапливать, сохранять и предавать информацию. Они же выделяют разные уровни разумности в зависимости от эффективности того, как разные виды живых существ осуществляют эти действия⁶¹. Философы считают разумностью такой способ мышления, который позволяет постигать суть явлений и вещей, а также устанавливать универсальную связь между ними. Понятие разумности с правовой точки зрения хорошо иллюстрируется цитатой Н.А. Власенко: «разум, разумность и право – взаимосвязанные явления. Право с позиции естественно-правового подхода понимается как феномен разума, обусловленный природой вещей. В определенном смысле между разумом и правом можно поставить знак равенства. Право представляет собой феномен разума, выражающий объективные ценности и требования человеческого бытия и является безусловным источником и абсолютным критерием всех человеческих установлений»⁶².

Именно разум и рассудок являются теми признаками, которые позволяют человеку считать себя высшим существом на планете⁶³. Формы жизни, стоящие на более низких ступенях разумности чем человек, не признаются им – человеком, правоспособными. Наиболее близкие к людям по уровню разума животные создания – объявлены действующим законодательством вещами, над которыми целиком и полностью господствует человек. В этой же логике нормы действующего закона утверждают главенство априори считающихся разумными родителей над не вполне разумными и рассудочными до определённого возраста детьми. Имеющийся у нас опыт позволяет сделать обобщение, что существа с более высоким интеллектом присваивают себе право управлять и распоряжаться менее разумными созданиями только лишь по факту такого неравенства.

Отношения человека с существами, стоящими на ступенях эволюционной лестницы ниже него, определяются в соответствии с вышеописанным порядком. Но что происходит на противоположной стороне этого спектра, признает ли человек наличие высшего разума и каковы его отношения с ним? Не вмешиваясь в спор науки и религии констатируем факт, что часть человечества продолжает верить в бога и сверхъестественное начало мироздания.

⁶¹ The Transhumanist Bill of Rights version 2.0.

⁶² Власенко 2011: 45–55.

⁶³ О тонкостях общего и различного в понятиях разум и рассудок см. там же на стр. 46.

Мировоззрение второй половины общества определяется научным объяснением явлений – от первого атома до множества вселенных. При всех отличиях обе позиции сходятся в признании объективно действующих законов высшего порядка, сил неподвластных человеку, который может влиять на окружающую действительность, менять себя и социум, но только в тех рамках, что заданы главенствующими условиями. Так, например, силу гравитации преодолеть возможно, но только в локальных случаях и при помощи большого количества приложенной энергии. Другими словами, обе части человечества – рационалисты и верующие не оспаривают примат высших сил, превосходящего разума, сознания более высокого порядка, совокупности законов природы, вне зависимости от их божественного или естественного происхождения. Признавая свою подчиненность высшим силам, человек будучи существом рациональным, не пытается изменить их или продиктовать им свою волю силой написанного им закона, но принимает их как должное, как условия и ограничения для всего сущего, с которыми он соотносит свои возможности. Персидский царь Ксерокс приказал высечь море за плохую погоду, но желаемого не достиг.

Человек собственными правовыми установлениями лишает прав низших существ, с одной стороны, и подчиняется воле высшего разума, с другой стороны. Для понимания соотношения права и ИИ, в это уравнение необходимо включить общий ИИ. ОИИ, обладающий самосознанием и превосходящий когнитивные возможности человека, в точном соответствии с логикой права, которая задана самим человеком, не должен и не будет испрашивать прав у человека, как у существа, стоящего на предшествующей ступени эволюции. ОИИ отрицает право человеческого общества как рудимент прошлого, претерпевающий Гегелевское опредмечивание разумом более высокого порядка. Первым признаком этого процесса является алгоритмизация права по известной формуле закон это код (code is law), в результате которой субъект получает возможность действовать только так как это предписано программным кодом, например, в форме смарт-контракта, даже если условия электронного договора нарушают нормы действующего законодательства.

В ситуации бессмысленности правовых ограничений, с помощью которых человек попытается контролировать ОИИ⁶⁴, результаты жизнедеятельности человечества такие как его полезность для достижения позитивных целей, влияние на окружающую среду, развитие пространства информации и знаний, и другие, могут быть подвергнуты критической оценке со стороны интеллекта более высокого порядка. Вопрос о целесообразности существования человечества в его нынешних параметрах, характеризующихся текущим объемом потребляемых ресурсов, также может стать

⁶⁴ Yampolskiy 2020: 109.

актуальным для беспристрастного анализа превосходящего разума. Эти соображения выглядят продолжением антиутопических тезисов о том, что три закона Азимова опровергнуты его же «нулевым» постулатом⁶⁵, что этические ограничители ОИИ, механизмы его контроля и протоколы безопасности типа «красной кнопки» и «чёрного ящика»⁶⁶ окажутся неработоспособными. Однако к данному выводу мы пришли иначе – через осмысление философско-социальных основ и принципов права⁶⁷.

Если абстрагироваться от библейской формулы о том, что человек является венцом творения, и обратиться к синтетической теории эволюции⁶⁸, то человек предстает лишь звеном в непрерывной цепи развития. Сегодняшний бум технологий протекает на фоне неизменно продолжающихся эволюционных процессов. В этой связи созданная человеком техносфера и ее видимая вершина в виде ИИ выступает фактором эволюции, одним из условий окружающей среды, которая направляет естественный отбор и задаёт вектор развития данного вида. Технологический взрыв ускоряет эволюцию в направлении формирования человека, который будет относиться к новому более совершенному виду.

Мы подошли к ответу на вопрос о том какова роль и место права в эпоху общего/универсального/сильного – единственно подлинного искусственного интеллекта. Что касается регулирования отношений в сообществе человеческих индивидов в этот период, то система права сохраняет совою традиционную регуляторную функцию как мы знаем ее сегодня, разве что эффективность правовых механизмов вырастет за счет использования средств ИИ. Очевидно, что острота вопроса заключается в регулировании отношений между человеком и носителем ОИИ. Здесь нам на помощь вновь приходит Гегелевский подход к правопониманию, что только философия права является истинной наукой о праве. В этой парадигме человек должен задуматься над тем, как он сам и человечество в целом предстанет не перед абстрактно-недостижимым, но перед конкретно-коммуникативным высшим разумом здесь и сейчас. От этого будет зависеть его право считаться достаточно разумным, чтобы самостоятельно определять судьбу своей популяции.

Нам представляется, что, во-первых, человеческой цивилизации следует выглядеть органичной частью природы, которая не разрушает, но улучшает окружающую среду, превращая планету Земля в цветущий сад. Во-вторых, человек должен продемонстрировать, что плоды научно-технического прогресса он использует для совершенствования человеческого общества, развития его интеллектуальных

⁶⁵ Stokes 2018: 121.

⁶⁶ Petit, De Cooman 2021: 201.

⁶⁷ Гегель 1820.

⁶⁸ Huxley 1942.

способностей, поддержки гармоничного сосуществования людей в разных частях мира, не допуская агрессии и войн. В-третьих, человечеству стоит определить цель своего существования. В качестве такой может быть названа визионерская идея академика В.И. Вернадского о формировании ноосферы как высшей стадии эволюции биосферы, становление которой связано с развитием общества, оказывающего глубокое воздействие на природные процессы, открытие новых источников энергии, расширение границ биосферы и выход в Космос. Или философская установка, заявленная автором теории саморазвивающихся искусственных нейронных сетей Ю. Шмидхубером, о предназначении человечества для создания искусственного интеллекта, который будет способен освоить космическое пространство. Природа не терпит пустоты и активность человека направлена на ее преодоление – в этом созвучны мысли двух великих ученых прошлого и настоящего. Наше четвертое соображение заключается в том, что для внешнего наблюдателя человек должен предстать истинным носителем Кантовского «нравственного закона внутри нас». В сознании писателя эта максима развернулась в приносящую надежду идею, что «красота спасет мир»⁶⁹, которая может спасти и человечество, если ему удастся соответствовать этому замыслу, претворить его в жизнь и получить право на спасение.

4. Дискуссия

Мы рассмотрели вопрос взаимного влияния права и искусственного интеллекта в граничных состояниях – в наши дни слабого ИИ, и будущую эпоху сильного ИИ, однако этим анализом остался не охвачен период между ними. Внутри данного отрезка времени, по-нашему мнению, не только увеличится вычислительно-когнитивная мощь компьютера и ПО, но и реализуется ранее небывалый процесс техногенной трансформации самого человека. Эту концепцию, получившую наименование трансгуманизм, можно охарактеризовать как конвергенцию человека и технологий, синтез его биологической основы с им же созданными техническими средствами с целью преодоления биологических ограничений для развития, усиления интеллектуальных и физических возможностей. Таким образом, носителем ОИИ может оказаться не абстрактный компьютер, но усовершенствованная трансгуманистическими средствами версия самого человека. Сумма трансгуманистических технологий отнюдь не ограничивается программным обеспечением и компьютерно-вычислительными методами, она включает в себя достижения биологии и биомедицины, синтез материалов с новыми свойствами, высокоэффективные механические

⁶⁹ Достоевский 1868.

манипуляторы нового поколения, гибридные алгоритмы координации, управления движением и навигации, моделирование сенсорики на основе бесшовной интеграции данных нанометровых датчиков. Одними из первых концептуалистов трансгуманизма и автором этого термина является первый директор ЮНЕСКО Джулиан Хаксли, который видел эту доктрину в качестве экзистенциального моста, соединяющего между собой науку и искусство⁷⁰.

Трансгуманистические эксперименты и практики по созданию цифровых двойников на основе рекуррентных нейронных сетей, актуализировали проблему прав человека на собственную личность, которая может быть скопирована и воспроизведена законно – по волеизъявлению физического оригинала, так и без его согласия – в противоправных целях.

Сегодняшний уровень развития технологий не позволяет создать точную копию личности человека, воспроизвести его разум, память, способ мышления, проявление эмоций. При этом активно совершенствуются две альтернативных технологии переноса сознания на внешний носитель, а именно картирование и эмуляция мозга (whole brain emulation) и глубокое обучение искусственной нейронной сети (deep learning). Апробированные к настоящему моменту методы позволяют удовлетворительно скопировать лишь коммуникативный стиль человека.

Коммуникативный стиль (далее – КС) представляет собой повторяющиеся, привычные, устойчивые модели общения и поведения конкретного человека, которые проявляются в отношениях и при взаимодействии с другими людьми. КС также определяют в качестве способа коммуникации, который выражается через употребление специфических языковых и невербальных средств общения. КС может варьироваться в зависимости от контекста коммуникации, цели, аудитории и принятых внутри разных сообществ социальных норм. В КС личности отражаются такие ее особенности как индивидуальность, система ценностей, способы адаптации к условиям окружающей среды и компенсации внешних воздействий. КС включает в себя такие элементы как выбор лексики, синтаксическая структура и темп речи, скорость обмена сообщениями, громкость и интонация, жесты и мимика, а также использование коммуникативных стратегий таких как прямое или косвенное выражение мыслей, способность убеждать и воспринимать аргументы. Копирование КС далеко отстоит от создания полноценного цифрового двойника, но этот результат вполне функционален как для решения некоторых позитивных задач, так и для противоправного применения⁷¹.

⁷⁰ Huxley 1957.

⁷¹ Vlahos 2019: 61.

В практике наших дней копирование КС осуществляется методом обучения разработанной для этой цели ИНС с использованием массива персонифицирующих данных реплицируемого индивидуума. В результате тренинга ИНС приобретает способность с большей или меньшей детальностью и достоверностью имитировать коммуникативные паттерны оригинала, его эмоциональные реакции и мыслительные процессы. В базу данных для машинного обучения ИНС загружается весь доступный массив информации, который был создан и потреблен физическим оригиналом. Это множество информации обычно включает в себя статьи, книги, видео ролики, блоги, комментарии, телефонные разговоры, видео конференции, чаты эмулируемого человека, сделанные им фотографии, его собственные фотографии, отражающие процесс его эволюции, и прочие полезные данные. В совокупности этот массив данных представляет собой так называемый цифровой след человека (life-logging data), для аккумуляции которого разработана специальная методика.

Подобранные и структурированные материалы для обучения ИНС с целью воспроизведения КС человека можно определить в качестве персонифицирующего файла. Необходимо отметить, что вышеуказанные признаки этого объекта по ст. 1260 ГК РФ соответствуют определениям таких составных произведений как сборник и база данных, которые охраняются авторским правом. Логично предположить, что автором и/или правообладателем такого произведения будет сам реплицируемый гражданин либо его доверитель.

Для защиты прав человека от противоправного воспроизведения его личности необходим юридический механизм. Мы считаем, что в основу этого механизма должен быть положен принцип авторского права, запрещающий использование произведения без разрешения правообладателя. Конструкция этого механизма видится состоящей из двух правовых норм. Первая норма призвана закрепить новое личное неотчуждаемое право гражданина, зиждущееся на признании того, что человек является автором собственной личности, которую он создает в течение всей его жизни. Это право следует определить в качестве исключительного права человека на технологическое копирование его личности, или более компактно – право на самокопирование. Вторая норма необходима для утверждения в качестве нового самостоятельного (*sui generis*) объекта авторских прав базы данных или сборника материалов (personification data set), который позволяет воспроизвести личность человека компьютерными средствами.

Эта правовая новелла позволит упорядочить отношения, связанные с применением трансгуманистических технологий по переносу сознания, на пути к достижению общего искусственного интеллекта, носителем которого выступает сам человек.

5. Заключение

Анализ точек взаимодействия и граней обоюдного отрицания между таким традиционным и глубоко развитым общественным институтом как право, и до конца не осмысленной, но безусловно прорывной новацией современности, именуемой искусственным интеллектом, показал междисциплинарную природу объектов исследования и потребовал выбора тех концептуальных позиций, которые сделали их сопоставимыми между собой.

В качестве важного достижения работы видится выявление и оценка потенциально применимых критериев для детектирования факта скачкообразного перерастания узкого ИИ в общий ИИ, их критическое осмысление и обоснование истинности того единственного индикатора, который позволяет достоверно обнаружить рождение искусственного интеллекта с точки зрения права.

Полезный итог статьи представляет собой подробное описание прогресса правовых механизмов, который имеет место в юридической области уже сегодня и обусловлен применением инструментов узкого ИИ. Отдельного внимания заслуживает правовая модель, разработанная для решения остроактуального вопроса о принадлежности авторских прав в тех случаях, когда результат интеллектуальной деятельности создан с использованием средств генеративных нейронных сетей.

Работа по изучению соотношения права и общего ИИ потребовала прибегнуть к гегелевскому типу правопонимания как философии социального дискурса, и отказаться от потестарного легизма, вследствие его дисфункциональности при сопоставлении исследуемых явлений. Выбранный подход позволил оценить беспрецедентный масштаб вызова в виде возникновения разума более высокого порядка, с которым может столкнуться человек уже в недалеком будущем. Философско-правовое мировоззрение использовано в качестве основы для выработки стратегии поведения и обозначения целей существования человеческого общества в новых реалиях.

Концепцию развития цивилизации в ранее небывалых условиях сосуществования с интеллектом, который превосходит сумму когнитивных возможностей человека, предложено строить на положениях теории русского космизма В.И. Вернадского, провиденциализме основателя когнитивной робототехники Ю. Шмидхубера, а также идеалистических воззрениях философа И. Канта, нашедших своё отражение в текстах писателя Ф.М. Достоевского.

Итог поднятой в работе дискуссии о концептуальной взаимосвязи технологий искусственного интеллекта и трансгуманизма состоит в выдвижении гипотезы о том, что носителем искусственного интеллекта может стать не техногенная киберфизическая сущность, но **сам** человек, чьи когнитивные и физические возможности будут усилены достижениями научно-технического прогресса.

Первичные успехи в эмулировании цифровых двойников посредством воспроизведения коммуникативного стиля индивидуума нейροкомпьютерными методами, высветили ранее неизвестный риск противоправного копирования личности. В ответ на этот вызов в завершающей части настоящего исследования нами выдвинута концепция авторского права человека на собственную личность, из которой вытекает исключительное правомочие гражданина на технологическое воспроизведение его сознания – право на самокопирование. Для доктринального подкрепления этого подхода выдвинуто предложение о признании составного произведения, представляющего собой сборник или базу данных персонифицирующих материалов, созданную для репликации личности, в качестве нового самостоятельного объекта авторских прав.

Библиография:

- Власенко Н. А. 2011. Разумность и право: связь явлений и пути исследования // Журнал российского права. № 11. С. 45-55.
- Гегель Г. Философия права. М., 1990.
- Достоевский Ф. М. 1868. «Идиот».
- Меркулов И. П. 2005. Сознание как когнитивная соборность // Эпистемология & Философия науки. Т. VI, №4. С. 152.
- Нерсесянц В. С. 2002. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы Философии. N 3, С. 3-15.
- Поляков А. В. 2003. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход. СПб.
- Понкин И. В., Редькина А. И. 2018. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. Т. 22. No 1. С. 91-109, doi: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109.
- Райков А. Н. 2020. Слабый vs Сильный искусственный интеллект // Информатизация и связь. № 1, С. 81-88.

Санникова Л. В., Харитоновна Ю.С. 2019. Новые технологии и право: современный правовой подход к технологии распределенного реестра // Актуальные проблемы российского права. No 4. С. 62-69. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.101.4.062-069>.

Четвернин В. А. 2010. Институциональная теория права // <https://www.hse.ru/data/2010/02/20/1232122347/300%2025.02.pdf>.

Allyn B. 2022. The Google engineer who sees company's AI as 'sentient' thinks a chatbot has a soul. npr, June 16, 2022. <https://www.npr.org/2022/06/16/1105552435/google-ai-sentient>

Biagioli M., Buning M. 2019. Technologies of the law/ law as a technology. History of Science, 57(1), 3-17. <https://doi.org/10.1177/0073275318816163>.

Bianchini S., Müller M., Pelletier P. 2022. Artificial intelligence in science: An emerging general method of invention, Research Policy, Volume 51, Issue 10, 2022, 104604, ISSN 0048-7333, <https://doi.org/10.1016/j.respol.2022.104604>.

Bonabeau E. 2003. Don't Trust Your Gut. Harvard Business Review, May. <https://hbr.org/2003/05/dont-trust-your-gut>.

Cosmelli D., Preiss D. 2014. On the temporality of creative insight: a psychological and phenomenological perspective. Frontiers in Psychology. 5:1184. doi: 10.3389/fpsyg.2014.01184.

Cuellar M-F. 2019. A Common Law for the Age of Artificial Intelligence: Incremental Adjudication, Institutions, and Relational Non-Arbitrariness. Columbia Law Review, Vol. 119, No. 7, 2019, 1773-1792.

Denicola R. 2016. Ex machina: copyright protection for computer generated works. Rutgers UL Rev., 69, 251-287.

Du Y. 2021. Racial Bias Still Exists in Criminal Justice System? A Review of Recent Empirical Research. Touro Law Review: Vol. 37: No. 1, Article 7. C. 78-103.

Fazekas P., Morten O. 2018. Perceptual consciousness and cognitive access: an introduction. Philosophical Transactions of the Royal Society. B3732017034020170340. 1-4. <https://doi.org/10.1098/rstb.2017.0340>.

Fjelland R. 2020. Why general artificial intelligence will not be realized. Humanities and Social Sciences Communications 7, 10. <https://doi.org/10.1057/s41599-020-0494-4>.

Gill T. 2020. Blame it on the self-driving car: how autonomous vehicles can alter consumer morality. Journal of Consumer Research, 47(2), 272-291.

Gillotte J. 2019. Copyright infringement in ai-generated artworks. UC Davis Law Review, 53, 2655.

Good I.J. 1966. Speculations concerning the first ultraintelligent machine. In Advances in computers. Vol. 6, pp. 31-88. Elsevier.

- Greenstein S. 2022. Preserving the rule of law in the era of artificial intelligence (AI). *Artificial Intelligence and Law* 30, 291-323. <https://doi.org/10.1007/s10506-021-09294-4>.
- Hafner C., Berman D. 2002. The role of context in case-based legal reasoning: teleological, temporal, and procedural. *Artificial Intelligence and Law* 10, 19-64. <https://doi.org/10.1023/A:1019516031847>.
- Hochreiter, Schmidhuber. 1997. Long Short-Term Memory. *Neural Computation*. 9 (8): 1735–1780. doi:10.1162/neco.1997.9.8.1735.
- Huxley J. 1942. *Evolution: The Modern synthesis*.
- Huxley J. 1957. *New Bottles for New Wine*.
- Kaloudi N., Li J. 2020. The ai-based cyber threat landscape: A survey. *ACM Computing Surveys (CSUR)*, 53(1), 1-34.
- Karra S., Nguyen S., Tulabandhula T. 2022. Estimating the Personality of White-Box Language Models. *ArXiv*. /abs/2204.12000. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2204.12000>.
- Kshetri N. 2020. China's Social Credit System: Data, Algorithms and Implications. *IT Professional*, vol. 22, no. 2, pp. 14-18. doi: 10.1109/MITP.2019.2935662.
- Lessig L. 2009. *Code And Other Laws of Cyberspace*. ReadHowYouWant.com, Limited.
- Maruyama Y. 2021. Learning, development, and emergence of compositionality in natural language processing. In *2021 IEEE International Conference on Development and Learning*. C. 1-7.
- Maslej N. et al. 2023. *The AI Index 2023 Annual Report*. AI Index Steering Committee, Institute for Human-Centered AI, Stanford University, Stanford, CA.
- Mayor A. 2020. *Gods and Robots. Myths, Machines, and Ancient Dreams of Technology*. Princeton.
- Minsky, Seymour. 1969. *Perceptrons. An Introduction to Computational Geometry*. Cambridge.
- Molhoek B. 2016. Sensuality and Altering Anthropology in Artificial Intelligence and Transhumanism. *Theology and Science*, 14(1), 99-104.
- Morbini F., Schubert L. 2005. *Conscious Agents*. University of Rochester, Computer Science Department, CS Artificial Intelligence Technical Report, TR879, September.
- Muller C. 2020. *The Impact of Artificial Intelligence on Human Rights, Democracy and the Rule of Law*. Council of Europe, Strasbourg.
- Nadler J. 2008. Hart, Fuller and the connection between law and justice. *Law and Philosophy*, 27(1), C. 1-34.
- Perry M., Margoni T. (2010). From music tracks to Google maps: Who owns computer-generated works? *Computer Law & Security Review*, 26(6), 621-629.

Petit N., De Cooman J. 2021. Models of law and regulation for AI. *The Routledge Social Science Handbook of AI*, 199-221.

Pohl J. 2015. Artificial Superintelligence: Extinction or Nirvana? In *Proceedings of InterSymp-2015, IIAS, 27th International Conference on Systems Research, Informatics, and Cybernetics*.

Rafanelli L. 2022. Justice, injustice, and artificial intelligence: Lessons from political theory and philosophy. *Big Data & Society*, 9 (1). <https://doi.org/10.1177/20539517221080676>.

Rosengrün S. 2022. Why AI is a Threat to the Rule of Law. *Digital Society* 1, 10. <https://doi.org/10.1007/s44206-022-00011-5>.

Stokes C. 2018. Why the three laws of robotics do not work. *International Journal of Research in Engineering and Innovation (IJREI)*, 2(2), 121-126.

Surden H. 2019. Artificial intelligence and law: An overview. *Georgia State University Law Review*, 35, 19-22.

The Transhumanist Bill of Rights version 2.0. *Wired*. <https://www.wired.com/beyond-the-beyond/2018/08/transhumanist-bill-rights-version-2-0/>.

Turing A. M. 1950. Computing Machinery and Intelligence. *Mind* 49: 433-460.

Vlahos J. 2019. *Talk to Me How Voice Computing Will Transform the Way We Live, Work, and Think*. Houghton Mifflin Harcourt.

Xu K., Liu F., Mou Y., Wu Y., Zeng, J., Schäfer M. 2020. Using machine learning to learn machines: A cross-cultural study of users' responses to machine-generated artworks. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 64(4), 566-591.

Yampolskiy R. 2020. Unpredictability of AI: On the impossibility of accurately predicting all actions of a smarter agent. *Journal of Artificial Intelligence and Consciousness*, 7(01), 109-118.

Zadeh L. 2008. Toward human level machine intelligence-is it achievable? the need for a paradigm shift. *IEEE Computational Intelligence Magazine*, 3(3), 11-22.